Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Моя мать ведьма-футанари... опять. Часть третья. Треть первая

Я лежал на кушетке под ослепительно белой простыней и таращился на медсестру, склонившуюся надо мной. Озорные голубые глаза, короткие каштановые волосы, выбивающиеся из-под головного убора, и нижняя половина лица, закрытая маской, не давали возможности определить пол. Глаза невольно поползли дальше, скользнули по закрытой высоким воротником шее и упёрлись в плоскую грудь. Но однозначного ответа сформировать я не успел — медсестра выпрямилась и стала снимать показания с какого-то аппарата, стоявшего рядом с кушеткой. От аппарата тянулись провода к тонким металлическим обручам на моих запястьях и голове.

— Показатели в норме. Видимо ты просто переутомился. Мы сейчас же тебя выпишем. Только вытащим пробку, — медсестра сорвала с меня покрывало и я понял, почему секс во сне был таким дискомфортным. Прямо под пупком на животе виднелся небольшой бугорок, а попка казалась как никогда заполненной. Чтобы выпячиваться там, пробка должна была быть не меньше 25 сантиметров в длину и я даже не мог себе представить, какой ширины, — А ты оказался довольно гибким для новичка. Не дёргайся и больно не будет, — с этими словами она потащила пробку на себя. И было больно, пока моя дырочка, смирившись с поражением, не пропустила широкую часть пробки. Остальной путь хорошо смазанная пробка проделала за несколько секунд, оставив мне только пустоту, холод, трясущиеся ноги и тошноту, — Одевайся и сможешь пойти отдохнуть на нормальную кровать. Твой друг о тебе позаботится. Госпожа уже определила вас в одну комнату.

— Друг? — я огляделся. Табуретка рядом с кушеткой пустовала, всё пространство до перегородок — тоже.

— Это я! — с большим драматизмом из-за угла выглянул Линг, всё с тем же медовым голосом и дружелюбной улыбкой. Я внутренне содрогнулся: если меня поселили с ним, то теперь исключение отсюда перестало быть делом первостепенной важности и стало жизненной необходимостью.

— Можешь забирать своего товарища. Проводи его до комнаты и можешь идти на занятия. Хотя, впрочем ты и сам всё прекрасно знаешь, — бодро проговорила медсестра.

— Конечно! Не вставай, я тебе помогу.

Линг дал мне одеться и помог встать, перекинув мою руку через шею. Одной рукой он крепко взял меня за талию, а другой рукой крепко взялся за мою руку. Теперь, по сути он меня нёс. Я внезапно осознал, что Линг очень силён для своей комплекции. Мы вышли из медпункта и столкулись с нашим курсом, выходящем из соседней двери. Я заметил несколько любопытных взглядов в нашу сторону, но Домзор, в своей жесткой манере, одёрнул всех. Линг болтал без умолку, обо всякой ерунде, пока однокурсники шли мимо, но как только последний из них скрылся за дверью, он тут же замолчал. Домзор, оставшийся в коридоре, подозрительно глянул на нас и юркнул в медпункт. Линг презрительно ухмыльнулся. Дальше мы в полном молчании прошли по коридору мимо стэнда с информацией. За ним шли такие же двери, только гораздо ближе друг к другу. Мы остановились перед дверью с цифрой 7. Достав из кармана плаща связку ключей, Линг открыл дверь и дал мне войти.

— У тебя будет полчаса, новичок. Готовься, нам надо будет с тобой серьёзно поговорить, — с этими словами он захлопнул дверь и запер её.

Я осмотрелся. Две кровати. Справа от входа всё по-обычному: кровать в углу, рядом тумбочка, в соседнем углу письменный стол с табуреткой. На столе стояла аккуратная чёрная коробочка. Между столом и кроватью в стене была дверь-купе. Справа от двери композиция была совсем другой: тумбочка и кровать шли по очереди вдоль стены. Над кроватью была приделана полочка, как раз под периметр кровати. По краям к ней крепился шёлковый балдахин. В изголовье кровати, как раз под единственным окном стоял письменный стол чёрного цвета со множеством шкафчиков. Очевидных вещей мне объяснять не стоило — я понял какая часть комнаты принадлежит мне. Чтобы проверить свою догадку, я заглянул за дверь. Так и есть: там стояло два унитаза без бачков, но с хитроумно вывернутыми биде с закруглёнными насадками для очевидных целей, раковина с зеркалом и полочкой для личных вещей. «Твоё место возле параши» — усмехнулся я про себя. С другой стороны, планировка комнаты не позволяла нам обоим разместиться вдалеке от этих дверей. «Сведу его с ума, занимая раковину пораньше» — решил я. Тошнота, вызванная бессовестным терзанием моих внутренностей прошла и сосание под ложечкой напомнило мне, что я сегодня не ел. Пользоваться дверями без особой нужды, как я уже понял, было категорически запрещено, да и Линг, уходя, запер дверь. Я ещё раз осмотрел комнату и взгляд мой остановился на чёрной коробке на моём письменном столе. Сверху что-то было написано. «Для новенького из седьмой комнаты» — значилось на ней. Коробка была бумажной и открывалась наподобие коробки для пиццы. В ней оказалась картонная посуда: миска серой полужидкой каши и стакан белой жидкости. Ожидая всякого от этого места, я вимательно понюхал еду, но нет — это были обычная овсянка и молоко. Я с удовольствием поел нормальную еду — впервые за несколько дней! — и прилёг на кровать, снова провалившись в сон.

Снилось мне как меня забирали. В тот день мы, позавтракав, сидели в молчании. На ум не приходило ни одной темы для разговора и мне вдруг подумалось — может оно и клучшему? Может это своеобразный знак свыше, что пора оторваться от маминой юбки? Мне 18, моя подработка вполне может обеспечить мне вполне безбедное проживание в общежитии, но при этом я ни разу даже не задумался о переезде. Я привык думать о себе, как о мужчне, главе семьи и даже не задумывался о том, что маме нужен супруг, а не только помошник. Но даже не это было главным, наверное. Главным было то, что мне такое положение вещей было удобно...

В дверь аккуратно постучали. Мы с мамой одновременно встали и прошли к дверям. Решив встретить свою судьбу гордо, я ускорил шаг и пришёл к дверям первым. взявшись за щеколду, я вдруг заметил что она ужасно горячая. Не подав виду я быстро отодвинул щеколду и открыл дверь. За дверью была фигура в свободном тёмном плаще, вроде тех, что носили назгулы из знаменитой трилогии.

— Лилит Розетта Модестецо? — спросила фигура хриплым женским голосом, глядя на мою мать. На меня она внимания не обращала, несмотря на то, что ей пришлось немного подвинуться, чтобы моя голова не мешала ей видеть мою мать. Я наклонил голову немного вправо, снова закрыв ей обзор и тогда она глянула на меня недолго, но очень выразительно. Под капюшоном можно было различить только подбородок — остальное закрывала тьма. И вся эта тьма очень выразительно на меня посмотрела. Я ощутил с десяток колючих, холодных, страшных взглядов. Моё тело тут же невольно отошло с прохода и вытянулось по стойке смирно у стены. Сейчас, вспоминая всё это, я вдруг понял, что та женщина была

отмечена соколом. Она не была полуженщиной-полусоколом и не соколом в образе женщины, а была отмечена этим словом, как печатью.
— Да, я Лилит Розетта Модесто, — твёрдо сказала мама. Я глянул на неё: вся белая, с испариной на лбу, она выглядела очень решительно.
— Мы войдём?
— Да, заходите все, — мама внимательно смотрела, как фигура переступила порог, а за ней вплыли ещё две таких же фигуры. Разница между ними была тоько в том, что передняя фигура шла. Я видел, как её коленки выпирают сквозь плащ, как колыхался подол при движении. Заднии фигуры просто перемещались.
Мама направилась на кухню, за ней отправилась и женина-сокол. Я тоже пошёл за ними, но она не оборачиваясь бросила: «Место» — и фигуры встали по обе стороны от меня, а сам я застыл в ужасе. Спустя минут пять после этого я вдруг понял, что «место» — это команда фигурам а не мне, и ужас, сковавший меня не был сверхъестественным. Это был обычный испуг. Я осторожно глянул на бесстрастные фигуры, стоявшие по обе стороны от меня. На первый взгляд это были пустые плащи. и меня неудержимо потянуло их пощупать. Грубая шерстяная ткань легко качнулась, стоило мне только прикоснуться к рукаву. Потянув рукав на себя, я вдруг обнаружил, что он пуст. Я сжал рукав в паре мест, а потом похлопал по груди одной фигуры, а потом по другой. абсолютно пустые плащи. Немного помедлив я аккуратно приблизил свою руку к наполненному тьмой капюшону и, помахав для верности, медленно окунул свою ладонь во тьму. Не встречая сопротивления, моя ладонь коснулась задней стенки капюшона, потом обследовала всё пространство внутри него. Ничего! Ни жертвенных кинжалов, ни магических покалываний. ни «осъязаъемой пугъающей тъемнотъы». Возможно и вся эта школа одно сплошное ничего, только как её прощупать... — Новенький, — вдруг позвал меня капюшон справа.
— Хорош спать, — раздалось слева. Необъяснимая сила вдруг хорошенько меня тряхнула. Я попытался сопротивляться и вдруг обнаружил, что у меня закрыты глаза. Я тут же поспешил открыть глаза и в них ударил яркий закатный луч. Сон ушёл, унося с собой и воспоминания. Я был в комнате, что нам с Лингом выделили под проживание. Линг был здесь же — сидел на моём столе, — Проснулся? Я уже заметил, что ты знаешь, какой я на самом деле. Отлично, это сэкономит нам кучу времени тайных издёвок и ацетона в туши. Суть такова: в этой комнате я главный. Она моя уже не первый год. За пределами этой комнаты мы делаем вид, что мы друзья, а здесь ты молчишь и выполняешь мои просьбы, хорошо? Вот, я даже попрошу тебя: «Пожалуйста». Это очень важно. Понял? — его голос был сиплым и усталым.
— Нет, не понял. Ты говоришь как идиот: не то приказываешь мне, не то просишь о чём-то. Определись, — сказал я и сел на кровати. Линг отрешённо уставился в пол, болтая ногами. Потом резко встал, подошёл к кровати и навис надо мной, поставив ногу на кровать.
— Не выпендривайся, гадёныш. Последний раз прошу: молчи и не высовывайся. Сейчас это просьба, поверь. А иначе твоя жизнь превратится в ад. Уж чему научила меня эта школа, так это коварству.
Я задумался. Иметь во врагах соседа, отлично знающего местную кухню — непростительно опасно и глупо. Но соглашаться на выраженное в таком тоне приглашение было крайне против моих правил.
— А что это за вещи, что я должен буду для тебя делать?
— Всякие мелочи. принеси, подержи, возьми. Взамен, помимо моей дружбы, а этого, поверь,

уже немало, я научу тебя колдовству обаяния. Ну что, согласен? — заметив, что я колеблюсь, он выпрямился и приподнял подол своего балахона, — Скрепим наш альянс поцелуем. Вот тебе первая просьба — возьми у меня.

Оголив свою промежность, он попытался прижаться ей к моему лицу. Опешив от такого поворота событий, я успел нырнуть вниз и, проскочив между его ног, выбраться на середину комнаты.

— Да ты больной! Какого хрена ты творишь?

— Привыкай, подобная практика здесь не просто обычна — она активно поощряется. В туалете частенько не хватает свободных кабинок и парочки, отсасывающие друг другу прямо на глазах у всех — это норма. Мы ведь подростки и, несмотря на все травы, которыми нас тут пичкают, либидо у нас неукротимое. Хорош ломаться, я не могу снять пояс сам! — Линг опустил подол и угрожающе приблизился. Я начал потихоньку сдвигаться, чтобы не быть зажатым в углу. Но он одним быстрым движением подскочил ко мне и схватил за горло, — Не сопротивляйся, ты сейчас по сравнению со мной тюфяк. Здесь есть тренажёрный зал с неограниченным абонементом, личной программой тренеровок, опытным тренером и контролируемым временем суток. Так что я тебя уделаю столько раз, сколько потребуется.

Я схватился обеими руками за руку Линга в попыке ослабить его хватку, но он так же спокойно держал меня одной рукой. Я понял, что в случае чего он может поднять меня одной рукой и спокойно выбросить в окно. Тогда я схватил его за шею обеими руками и, не теряя времени, прижал посильнее. Линг, не ожидавший такой наглости, первую секунду смотрел на меня выпученными глазами, а затем саданул ребром свободной ладони по основанию шеи. Перед глазами пролетел рой цветных мушек, плечо пронзила острая боль, а конечности резко ослабли. Я мешком упал на пол, а Линг остался стоять, потирая шею.

— Завтра я с тобой ещё поговорю. Ты интереснее тех сосок, которые обычно сюда попадают, поэтому я дам тебе второй шанс. А сейчас спать. Мы можем сэкономить часок-другой своих жизней в день и к концу обучения будем моложе всех оболтусов на год. Это тебе подарок от меня, кусочек житейской мудрости местного разлива. Всех благ.

С этими словами Линг улёгся поверх одеяла прямо в балахоне и закрыл глаза. Я поднялся на ватных ногах и добрался до своей кровати. Голова дико раскалывалась после удара. Я закрыл глаза в надежде унять боль и не заметил как уснул.

Проснулся я от того, что кто-то пел. Распевался точнее. Приподняв голову я увидел Линга, задравшего руки вверх и выгнувшегося дугой. При этом он распевался на очень высоких нотах. Вспомнив его сиплый вчерашний голос я понял, что несмотря на всё время, проведённое здесь, медовый голосок так и не стал для него привычным.

— Марш в ванную! — сладко пропел он на одной ноте, — Я не могу появиться на людях с заспанной соседкой. Приведи себя в порядок!

Молча я прошёл в ванную и только успел совершить все необходимые действия, как Линг заглянул в комнату и поторопил меня:

— Бегом, соня. Я не хочу терять драгоценные минуты своей жизни, а выходить парами — плюс к поведению. А моё поведение безукоризненно!

Спустя пять минут мы шли по коридору в толпе однокурсников. Домзор подвёл всех к стэнду, отделявшему жилые двери от учебных и заговорил:

— Объясняю ещё раз для тупых и отсутствовавших. На этом стенде, вверху находятся списки ваших имён в алфавитном порядке, с указанием, кто на какой факультет поступил. Внизу

стенда — расписание. Ищете свой факультет, смотрите вот здесь! — Домзор ткнул в табло рядом со стендом, — ... номер сегодняшнего дня и номер пары, после чего ищете в стенде соответствие для своего факультета. Номер аудитории написан рядом с названием дисциплины. Если занятий нет, идёте в спортзал или медпункт. В спортзале вас ожидает тренер Морьди. Напомню: назовёте её мадам или сэр и получите билет в боль в один конец. В медпункте вас ждёт госпожа Алхемилла. Ежедневно она придумает новую теорию, препарат или аппарат, который захочет на вас использовать. Отказываться нельзя, у вас только есть выбор: будете испытывать лекарство или тренажёр. За это вам дадутся большие плюсы, а если повезёт, то препарат окажет на вас положительное воздействие. Или отрицательное и тогда школа будет нести ответсвенность за последствия. Можете, конечно, выбрать зону отдыха или душ, но вас за такой выбор никто по головке не погладит, если, конечно, вы не будете заниматься там чем-то полезным. Всё ясно? Завтра утром я вас проверю ещё раз. Все по парам!

Я подошёл к стенду. На первый взгляд списки факультетов представляли собой невменяемую мешанину, но в этом месте языковой барьер был чем-то, чем можно пренебречь. Я без труда разобрал своё имя и рядом пометку «универсал», но остальные имена разобрать не смог — каракули хранили свои тайны. Я начал искать столбец своего факультета, а однокурсники потихоньку разбредались по коридору. Линг без умолку щебетал что-то, а я, в меру своих сил, отвечал скромно и вежливо. Получалось у меня не очень убедительно и я решил потренироваться на днях. Когда последний наш товарищ отошел достаточно далеко, Линг, не прекращая болтать, зажмурился, крутанулся на пятке и, приоткрыв левый глаз, стал строчить что-то в записную книжку, которую он достал из кармана своего одеяния. Заглянув к нему я понял, что он записывает подряд имена и факультеты наших однокурсников. Дойдя до середины первого листа он моргнул и, молниеносно спрятав книжку обратно, спросил:

— Ну что, нашёл себя? Тебе в какую аудиторию?

— В четвёртую, — ответил я, потупившись для образа.

— Надо же, какое совпадение! Мне тоже, — сказал Линг и улыбнулся так, что у меня скулы свело. Если мы с ним ко всему прочему ещё и на одном факультете, то мне пора оставить надежду у входа и смириться с судьбой.

Присоединившись к группе студентов у четвёртой аудитории мы, по совету Линга, по-быстрому провели перекличку, после чего по быстрому забились в аудиторию. Предмет назывался «Оральное мастерство» и вёл его какой-то смазливый рыжий паренёк в серо-голубой футболке. Целый час мы мычали, массировали шею, издавали гортаные звуки и специально зевали, мне даже начало казаться, что сейчас мы запоём, а слово «оральный» в названии предмета будет иметь отношение к вокалу и произношению. Даже когда нам раздали баночки с жемчужно-прозрачной мазью и мы стали смазывать вход в гортань надежда пискнула: «Это может быть полезно для связок». Потом каждому раздали по гладкому продолговатому вибратору, надежда выбросила белый флаг и я, вздохнув, вспомнил как упражнялся с огурцами и маминым фаллоимитатором. По очереди нас вызывали на кафедру и просили продемонстрировать своё мастерство.

На уроке я присутствовал чисто фактически, потому как меня больше занимал вопрос: зачем Лингу наши имена. Понимая специфику заведения, я чуял неладное. Я настолько оказался поглощён этими мыслями, что когда меня вызвали на кафедру, я автоматически подошёл, встал и просто стоял. Когда мне жестами подсказали, что от меня требуется, я на автомате

чуть не проглотил вибратор. В последний момент горло сжалось и преподаватель успел подскочить и вытащить его у меня изо рта. Со смехом он посоветовал мне не витать в облаках и отметил мою большую расслабленность гортани и отсутствие рвотного рефлекса. Я признался, что, в своё время, тренировался четыре года на разных подручных предметах, на что преподаватель посоветовал мне подумать о переходе в более серьёзную группу.
Вернувшись на своё место я постарался выкинуть инцедент с именами из головы, но, из-за отсутствия на уроке чего-либо интересного, мои мысли постоянно к этому возвращались.
Следующей парой была «Растяжка». К гимнастике это имело мало отношения. Преподавало дисциплину затянутое латексом сисястое создание, с кляпом во рту. Для меня оказалось шоком, что не только языковой барьер здесь нивелирован. Преподаватель обращался к нам на азбуке глухонемых, быстро орудуя руками, а до нас доходил низкий женский сокойный голос, рождавшийся где-то в голове.
Как оказалось, все, присутствовавшие на первом занятии, получили домашнее задание и анальную пробку персонального размера. Задание было таково — установив пробку на пол, нужно было сначала насадиться на неё до основания, приподнять над полом а затем вытолкнуть из себя усилием мышц. В свою очередь меня меня вызвали на кафедру.
— Ты не был на прошлом уроке, верно? — спросила преподаватель, обильно смазывая затянутую в латекс кисть руки.
— Да, извините, — я почувствовал комок в горле. Я прекрасно понимал, что сейчас будет и судорожно думал, как бы избежать этой участи.
— Ложись на стол, — преподаватель, кивнула на стол для пособий. Я опустился животом на стол, стоя спиной к учителю, — Не так, — поправила меня она, — Поперёк. Спиной к своим товарищам.
Я опешил. Одно дело быть оттраханым рукой в зад, а другое дело, чтобы весь курс это ещё и увидел. Увидев моё замешательство Линг, ассистировавший преподавателю, шепнул мне: «Тебе лучше лечь самой, друже. Не расстраивай госпожу Леопольд». Я зыркнул на него зло, но советом пренебрегать не стал — у него пока не было причин желать мне зла. Ведь он наверное, хотел склонить меня на свою сторону. Возможно.
Я лёг поперёк стола и задрал свой балахон, оголяя мои весьма округлые мослы. Госпожа преподаватель не спеша обошла стол, встав перед моим лицом и, склонившись надо мной, своей левой рукой стала разминать мою дырочку. Недавний инцедент в медпункте сыграл мне на руку — колечко практически не оказало сопротивления и первые два пальчика даже не причинили мне дискомфорта. На четвёртом стало неприятно, пять пальцев втиснулись, но когда она попытались пропихнуть в меня руку до костяшек, стало больно. Мой задний проход рефлекторно сжался, увеличивая боль, но я быстро пришёл в себя и, всхлипнув, максимально расслабился. Госпожа Леопольд удовлетворённо хмыкнула, немного покрутила рукой и ввела кисть до конца... Я вздохнул с облегчением, но рано. Пальцами другой руки преподаватель продолжила растягивать мой зад, при это аккуратно двигая во мне сжатой в кулак левой рукой. Может кому-то такое и нравится, но для меня это был сущий ад.
Растянутая дырка горела огнём, двигающийся кулак весьма больно что-то задевал, спина затекла, ноги потихоньку сводило судорогой. Я уже был готов закричать от боли, как вдруг госпожа вытащила из меня ладонь и выразительно что-то глянула Лингу. Тот немедленно проследовал к двери, откуда обычно выходили преподаватели и скоро вернулся оттуда с анальной пробкой. Была она чёрной, короткой, постепенно расширяющейся и очень

внушительной. Не знаю уж, для каких таких целей нас растягивали, но эта пробка была не меньше десяти сантиметров диаметром в своём самом широком месте. Мне было сложно вообразить член таких размеров, тем более, что я пытался сделать это в то время, пока в мой задний проход заталкивали анальную пробку. И, судя по ощущениям, сексу с таким монстром подвергали только в качестве высшей меры наказания. Провожая меня в зал, госпожа посоветовала полежать на своём месте до конца занятия. Ничего иного мне, по сути, и не оставалось.

Лёжа на своём месте я думал только о том, как же мне выбраться из этого стрёмного места.